

— Как с тобой поступили. Что забрали, как навредили, как со всем этим справиться, и что передать будущему поколению. Вот что важно понять.

□

Когда мама ушла на поле боя, как некогда ушел отец, Шина и его брата взял к себе священник, живущий в церкви лагеря для интернированных. Когда священник сказал, что проследит за их образованием, он начал с этой фразы.

Шин забыл, как выглядели родители, а вскоре забылись лицо и голос старшего брата. Но он помнил эти слова. Шин был слишком юным на тот момент, чтобы в полной мере их понять, но судя по ответному серьезному кивку брата, священник говорил нечто важное, что он обязательно должен запомнить.

В лагере для интернированных все еще были люди вроде священника, которые обучали детей, хотя об этом Шин узнал уже постфактум. Сперва на поле боя в принудительном порядке призывались мужчины. Когда те погибли, следом шли женщины, а потом больные и пожилые. В лагерях остались лишь люди совсем преклонного возраста и дети, так что о настоящей общинности говорить не приходилось. И все же некоторые прилагали все усилия, чтобы дать детям начальное образование.

Делалось это для того, чтобы они могли выучиться чему-то новому, когда того захотят, и чтобы вести учет лишений, через которые они вынуждены пройти. А также чтобы у детей был шанс построить для себя будущее, если интернирование завершится. В начале еще находились те, кто цеплялся за эту надежду.

И вот жизнеспособные старики и старшие дети с характером собрали детей помладше и дали им минимальное образование. Они научили читать, писать и выполнять базовую арифметику. Республиканская инспекция в лагерях разрешала это, поскольку умение читать пригодится ребятам, когда их призовут.

Конечно, много людей не участвовали в обучении, так же как часть детей не были заинтересованы в бесполезных в лагере навыках.

Шин едва посещал «школу», но священник давал ему и его брату образование достаточно продвинутое и всестороннее. Священник некогда был офицером Республики и получил соответствующее образование. Он научил Шина тому, что сам знал, рассказал про писания и поделился собственными мнениями и наблюдениями.

Церковь стояла в небольшой деревушке, но имела богатую историю, а священники накопили достаточно книг на большую библиотеку. Вероятно, это была самая охватывающая библиотека среди всех лагерей для интернированных, и даже многим позже Шин считал, что ему невероятно повезло иметь к ней доступ.

Но пусть так...

□

...в ночь, когда на Шина напал брат... священник так и не сказал ему, какой грех он совершил, чтобы навлечь на себя эту ярость.

†

— Ты опять здесь, Шин?

— Преподобный.

Священник стоял во весь рост, достаточно высокий, чтобы загородить свет, льющийся в темную библиотеку. Книгу в кожаном переплете, больно большую для детских рук, Шин положил открытой на колени. Ноги уже успели слегка занеметь.

После призыва Рея Шин больше бывал наедине с собой. И чтобы как-то заполнить время, которое он проводил вместе с братом, Шин уходил в библиотеку церкви и пытался читать.

Он не знал, что такого натворил, чтобы так сильно разозлить брата. Старался тщательно обдумать это, но ответ все не приходил. Поняв, что ему не хватает словарного запаса и знаний для размышлений, Шин решил поучиться.

На время занятий он мог отвлечься от мыслей о том, о чем предпочел бы не думать вовсе. Например, о призрачных голосах, которые он слышит с тех пор, как брат убил его. Или о злобе и ненависти «восемьдесят шесть» вне церкви, направленные на него, потомка Империи.

Или об отсутствующем брате, который оставил его несмотря на то, что с их прибытия в лагерь всегда находился рядом.

Священник взглянул в лицо Шину, лишившиеся выразительности и эмоций с того дня, как Рей ушел три года назад, и вымученно улыбнулся.

— Сегодня на обед стоит ждать целый пир. Я поймал птицу, представляешь, с дерева слетела. Еще и здоровая такая, с нетерпением жду... Точно, в следующий раз я должен научить тебя охоте на животных без винтовки.

Помимо базового образования и знаний священник научил его обращению с оружием и основам боев на фердресе. В течение последних трех лет старики умирали, а в лагере оставались только дети. И поскольку они вступали в подростковый возраст, их начали призывать на службу.

Поэтому священник посчитал, что раз уж Шину не избежать призыва, то надо хотя бы научить его выживать. Шин также хотел бы этому выучиться. Если он погибнет, то не сможет извиниться перед братом. Тот хоть и сказал ему умереть, но извиниться все равно хотелось.

— ...Да.

— Я бы с радостью пригласил других детей наружу, да вот... похоже, они меня недолюбливают. Давай все равно съедим, не пропадать же жизни впустую, правильно? — криво улыбнулся священник, после шутливо пожав плечами.

— ...Мне жаль, — сказал Шин, отводя взгляд от него. — Это ведь из-за меня?

Правда в том, что священник хотел научить остальных детей навыкам, которые он передал Шину. Им нужно было в полной мере понять, через что придется пройти, узнать про способы противостоять этому и приобрести навыки для выживания на поле боя. Но он не мог, ведь рядом находился Шин.

Он был выходцем из Империи, начавшей войну, и «восемьдесят шесть» воспринимали его за ответственного за их страдания врага. Только по этой единственной причине — принадлежность к родословной имперских дворян — Шина притесняли такие же, как он, «восемьдесят шесть».

На самом деле Шина не трогали пока по одной причине: опека священника. Тот был Альбой и бывшим солдатом Республики, и другие люди в лагере его боялись. К тому же своим крупным и неповоротливым телом он походил на медведя, и у «восемьдесят шесть» не хватало смелости влезть в церковь на его «территорию». Ни у ребят, только-только ставших подростками.

Вместе с тем, если он пригласил бы их в церковь, кто знает, что они могли бы сделать с Шином. И из-за этого, хотя двери церкви должны быть открыты для всех, священник держал их закрытыми. Все ради защиты Шина, последнего ребенка на его попечении.

— Ты научился извиняться? — произнес священник, склонив голову. — В смысле извиняться за все то, в чем нет твоей вины.

Шин убедил себя, что ответственность лежит на нем.

— Я же сказал. Они недолюбливают меня. Не могу же я ребят, что меня ненавидят, пригласить на обед и книгочтение, правильно? Если они не хотят моей помощи, не буду же я заставлять их, иначе это уже насилие. Значит, я не могу ничего сделать для них. Вот и все.

— ...

— Послушай... что беспокоит меня сильнее, так это Рей. Я уже говорил это, но твоей вины здесь нет. Ты не сделал ничего плохого. Ничего из того, что произошло, не было из-за тебя.

Случившееся — грех Рея.

Шин опустил голову. Все из-за этих слов — Шин понимал, что вопрос причинит боль священнику, поэтому решил больше не спрашивать, что же такого он натворил.

«Преподобный. Я не то хочу услышать...»

†

— ...М-м. Прости, верхушка вызывает. Расскажешь как-нибудь в другой раз.

С этими словами Элис поспешно вышла из столовой. Оставшись наедине, Шин ткнул вилкой в синтетическую пищу.

Будучи капитаном, Элис не выказывала фаворитизм или дискриминацию к членам отряда. Благодаря такому отношению товарищи также не избегали Шина за его имперскую кровь. Поэтому, когда Элис не было рядом, Шин оказывался в полном одиночестве не из-за других, а потому что сам хотел отстраниться.

Они, быть может, и были товарищами, но процессоры постарше пугали его. Пугали и члены бригады обслуживания, ведь те были еще старше.

На виду постоянно находились люди одного возраста с братом. Их руки, голоса, взгляды... Они вызвали воспоминания. И это его пугало.

— Ноузен.

Окликнул его командир бригады обслуживания Гурен. Шин от внезапности вздрогнул, поскольку взаимодействовать с ним было особенно тяжело. Он чувствовал себя немного виноватым, но Гурен напоминал брата: высокий рост, из-за которого тот смотрел на Шина сверху вниз, а также красный цвет волос...

Командир бригады, судя по всему, почувствовал страх. Он присел на корточки, отчего Шин слегка расслабился. Гурен заглянул прямо в глаза мальчика своими искренними синими.

— Ноузен. Выжимай из себя все, что в тебе только есть, чтобы не погибнуть.

Шин моргнул. Элис сказала ему нечто похожее... Неужели правда складывалось впечатление,

будто он спешит навстречу смерти?

— Ну... Я не хочу умирать. И я не умру, потому что не могу позволить себе этого.

— Так держать. Повторяй эту мантру и выживай. Лучше не оставляй Элис, ты меня услышал?

— ?..

И что он хочет этим сказать?

— Элис у нас носитель позывного. Она ветеран, прожила несколько лет на поле боя. А это, в свою очередь, означает, что она повидала множество смертей товарищей, которые оставили ее.

Шин от осознания широко раскрыл глаза.

Каждый год на службу призывается сотня тысяч «восемьдесят шесть», но из них менее тысячи увидят второй год. Если выживаешь так долго, соответственно, теряешь большинство товарищей.

— Как я слышал, у тебя есть талант. Талант сражаться и выживать. Выходит, ты не должен оставлять Элис.

Гурен взглянул на шарф, обернутый вокруг шеи Шина. В синих глазах отразилась боль. Будто он вспоминал кого-то, кого уже давно нет в живых.

— Ей будет очень больно, если потеряет тебя. Я так думаю. Поэтому... постарайся не погибнуть там.

В ответ на слова Шин невольно потянулся к шарфу. Он мысленно вернулся к недавнему моменту, когда Элис дала ему этот шарф.

□

Она вдруг мягко обвила руки вокруг головы Шина, будто взяла в объятия. Когда перед глазами потемнело, а в ноздри попал уникальный нежный аромат девушки, Шин оцепенел. Через мгновение она отступила, а он удивленно моргнул от осознания, что она обернула небесно-голубой шарф вокруг его шеи.

Во взгляде, видимо, читался вопрос о причине, на что Элис ответила:

«Ты же не хочешь привлекать внимание к шраму, или чтобы его в принципе кто-то видел, так?

Ты не хочешь, чтобы они винули... нет, ты не хочешь винить того, кто это сделал, верно?»

Она улыбнулась. Не ведая о прошлом Шина или чувствах в его сердце, она тем не менее говорила уверенно. И где-то успокаивающе.

«Ты хочешь защитить его, не так ли?»

Шин поднял взгляд от удивления. Вот оно. Слова, которые некая часть его сердца всегда ждала. Он хотел, чтобы кто-то признал это.

Он хотел простить. Своего брата. Чего он не хотел, так это упрекать или ненавидеть. Рей обвинил его, почти убил, навсегда оставил шрам... но все равно...

□

Он все равно хотел думать о брате как о драгоценном человеке.

И Элис будто дала разрешение.

□

Держась за шарф, который словно сохранил в себе ее тепло, Шин размышлял. Она определенно спасла его в тот миг. Она подарила один крошечный кусочек спасения. И он хотел отплатить — дать то самое спасение.

«Поэтому... постарайся не погибнуть там.»

— Я не умру... Обещаю.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/2030798>